

Михаил КУРАЕВ

РОМАНОВЫ: Начало и конец династии

Как во все времена, так и сегодня размышления на исторические темы корректируются интересами дня. Логика, почти свободная от человеческих страстей, как геометрия или математика, в таких случаях страдает. Процветает риторика, в жанровом отношении ближе всего расположенная, скажем, к художественному свисту. Недаром же сегодня процветает «бульварная история», «эстрадная история» и, конечно, «развлекательно-увлекательная», рассказывающая и про викингов, и про влюбленных в чужих жен адмиралов в расчете, как раньше считалось, на любознательных горничных и просвещенных приказчиков.

История — факт свершившийся, и другой у нас уже не будет.

В современном гражданском календаре 21 февраля не отмечено сколько-нибудь знаменательным событием.

I

1613 год. Истерзанная Смутой Россия, пережив предательство бояр, призывавших на российский престол сомнительных самозванцев, с поддельными метриками «Рюриковичей», смилив кое-как разорительную вольницу казачества и произвол местной власти, наконец-то со Смутой покончила.

21 февраля 1613 году по старому стилю Земским собором с участием боярства, дворянства, духовенства, купечества, служилых, представителей земель и тягловых людей был избран на российский престол первый царь новой династии шестнадцатилетний Михаил Романов.

Затеянная боярами в поисках «удобного царя» Смута с переменчивой чехардой правителей за восемь лет привела страну в полное разорение. Вот и избрание на престол Михаила Романова, казалось, было едва ли не очередной попыткой претендующих на реальную власть самовластных бояр и предводителей влиятельных социальных групп, казачества и земства посадить на престол фигуру декоративную, управляемого юношу, оставшегося без попечения отца, человека властного и опытного политика.

Итак, не без опаски, помня горестную судьбу недавних предшественников, на престол взошел Михаил Федорович Романов...

Вот и рубеж, обозначивший конец Смуте.

Михаил Николаевич Кураев родился в 1939 году. Окончил театроведческий факультет ЛГТИ им. А. Островского. С 1961-го по 1988 год работал в сценарном отделе киностудии «Ленфильм». По сценариям М. Кураева снято 14 полнометражных фильмов («Сократ», «Господа присяжные...», «Раскол» и др.). Автор 25 книг прозы. Произведения переведены на 12 языков. Лауреат Государственной премии Российской Федерации 1998 года. Живет в Санкт-Петербурге.

II

Случается так, что удачно сказанное слово начинает претендовать на чуть ли не исчерпывающий смысл, заслоняет собой понятие.

Сказано: «татаро-монгольское иго» поработило Русь на несколько веков... Иго! Все понятно и школьнику, и ученому. Но разве столкновение двух типов цивилизации — кочевой и оседлой, по такому определению не сводится к детским понятиям: «плохие» — «хорошие»?

Пока у «хороших» не появилось огненного боя, пушек, пока их города не превратились в крепости, пока не научились эти крепости оборонять, пока не научились соединять усилия разбросанных в пространстве Руси княжеств, даже победа на Куликовом поле не могла положить конец постепенно менявшейся, слабевшей и вырождавшейся власти кочевников, Золотой Орды.

Централизованной власти кочевников, позволявшей концентрировать неодолимую военную силу, могла противостоять только другая сила, централизованная власть, использующая преимущества городской «оседлой» цивилизации.

Может быть, и слово СМУТА своей очевидностью и образной простотой освобождает от необходимости увидеть не только природу событий, этим словом обозначенных, но и взглянуть в общество, понять душевный строй людей того времени и, быть может, главное — открывавшиеся, как оно и должно быть в пору глубоких общественных сдвигов, новые исторические пути.

Смута — неразбериха, блуждание без пути, без ясной перспективы, но это еще и время возможностей, как говорится, для ревнителей славы и корысти, авантюристов, готовых любой ценой, хоть разорением целой страны, утешить свое властолюбие, так и для тех немногих, кто не мыслит своей жизни вне служения своему народу, своей земле, способен найти единомышленников и воодушевить их своими убеждениями и примером.

Наверное, в каждом народе непременно есть люди, ощущающие свою родину не как страну проживания, а как свое органическое тело.

Царствование первого из династии Романовых было временем возможностей, и забывать об этом — значит не понять урок, преподнесенный историей, а стало быть, спотыкаться об одни и те же камни на путях, вовсе не предначертанных свыше.

Какие камни? Какие пути? Мхом поросли эти камни, травой и кустами поросли эти пути! Проехали!..

А вот как посмотреть.

«Богатые давали бедным на предприятие, коего целью было расхищение целой Державы».

Это о каких временах сказано? О тех, когда «богатые» дали «бедным» немереные деньги для приобретения Уралмашзавода, Братской ГЭС, Красноярского металлургического комплекса, Норильского никелевого комбината... и дальше по списку. И вдруг у «державы» не стало средств содержать армию, обеспечить бесплатное образование, финансировать науку, медицину... Все на памяти. Когда же это сказано о предприятиях, «коих целью было расхищение целой Державы», сказано уважаемым историком Карамзиным в связи с событиями четырехсотлетней давности, помеченными Смутой.

Но разве история чему-нибудь может научить тех, кто не хочет учиться?

Чтобы представить не столько состояние общества, сколько новое небывалое еще самоощущение активной части народа на пороге XVII века, можно вспомнить слова

Карамзина, сказанные про нас в ту пору: «Сей народ, безмолвный в грозах Самодержавия наследственного, уже играл Царями, узнав, что они могут быть избираемы и низвергаемы его властью или дерзким своевољством!»

В словах «играл Царями», наверное, есть изрядное преувеличение.

Революционные события обнаруживают скрытые силы; страсти, таившиеся под спудом, вырываются наружу.

Это время испытания и для людей, и для государственного жизнеустройства, испытания на прочность: что фундаментально, основательно, а что — декор. Таким образом, открывается возможность увидеть национальные особенности, ощутить духовную ориентированность как активной, так и пассивной части населения, понять их надежды и ожидания, уровень самосознания.

III

А надо ли сегодня ворошить столь давнюю историю, тревожить, что называется, прах пестрой череды Романовых на троне и рядом с тронем?

Мы же не властны над историей, она уже стала непоправимым фактом.

Меняются только взгляды, оценки, подходы, трактовки, и на этом поле едва ли когда-нибудь воцарятся мир и согласие.

Что нам даст сегодня напоминание о трех столетиях единодержавия одной династии, власти одного *дома*, предполагающего наследование престола по кровному родству?

Но мы же видим, как не случайно именно сегодня на пространстве исторического знания идет борьба за умы, за место в истории, за определение исторических прав, до сих пор считающихся весомым аргументом в политических и территориальных спорах.

Едва ли даже при тщательном и скрупулезном рассмотрении трехсотлетнего царствования династии можно было бы обнаружить и унаследовать какие-то практические принципы поведения монархов или равных им в беспредельной власти верховных правителей по отношению друг к другу и подданным.

Едва ли лубочная картинка, даже маслом написанная, о *всенародно избранном* на русский престол шестнадцатилетнем юноше из рода Романовых соответствует исторической реалии.

Может быть, это «избрание» было лишь реваншем Романовых за выборы, проигранные Борису Годунову в 1598 году. Тогда в борьбе за престол противостояли два важнейших, оказавшихся решающими аргумента в пользу одного или другого кандидата: с одной стороны, знатность и древность рода, след «Рюриковичей» в крови, а с другой стороны — личные заслуги в деле многолетнего успешного управления страной в качестве правителя при номинальном государе Федоре Иоанновиче.

Все видели, как Годунов в течение двенадцати лет (1585—1597) мудро и устроительно «правил землю рукою великого государя», немощного Федора Иоанновича. Выбор был сделан в пользу личных заслуг, в пользу Бориса Годунова, ибо и «естеством светлодушен и нравом милостив». А еще имел большие средства, Годунов был чрезвычайно богат, плюс «административный ресурс», то есть власть, и что нынче называется *свои люди* на важных местах. Что еще нужно, чтобы быть «всенародно» избранным?

Могло ли смириться с этим родовое боярство, княжеская знать, глядя, как «Бориска» теснит высокородных и на «степени» возводит худородных сверх «меры и времени»?

Иностранцы свидетельствовали: «Борис устранил всех знатнейших бояр и князей!» Кто ж с этим смирится?

Говорят, на опоясывающей ленте под куполом колокольни Ивана Великого в Кремле золотом начертана здравица в честь чуть не тысячелетнего царствования ди-

настии Годуновых. Если вспомнить, что строительство колокольни начато при Иване III, а завершено при Годунове, скорее всего, вознесенное к небесам пожелание вполне возможно.

Борьба за трон продолжалась и после воцарения Годунова. И среди самых опасных конкурентов был клан Романовых, род старинный, вплотную приблизившийся к Рюриковичам через первую жену Ивана Грозного царицу Анастасию Романовну.

И не случайно именно Никита Романович Захарьин-Юрьев, брат к тому времени уже умершей царицы, по смерти Ивана Грозного становится первым опекуном слабосильного во всех отношениях царя Федора Иоанновича. Эта позиция при дворе, где Никита Романович становится главным лицом, открывала перед Романовыми самые радужные перспективы. Лишь по болезни пришлось Никите Романовичу уступить место при царе Федоре Борису Годунову, снискавшему авторитет и силу также при Иване Грозном.

Вот и сошлись на узкой дорожке к ступеням трона, готового опустеть после не оставившего наследника Федора, два клана — Романовы и Годуновы.

IV

И в нынешней предвыборной борьбе за власть конкуренты не брезгают ничем, стараются, как могут, принизить заслуги соперника, где удастся, подпустить клевету, очернить. Как и во все времена, в ход идут подкуп и лживые обещания: «многие же от вельмож, желающе царем быти, подкупахуся, многим и дающе и обещающе многие дары». А главное, держать в рукаве «крапленую карту» или «последний гвоздь» в крышку гроба соперника, в какой-нибудь «коробке из-под ксерокса». Такой картой в руках Романовых оказался «недорезанный» и чудесным образом воскресший «царевич Димитрий» сын от седьмой (невенчанной) жены (!) Ивана Грозного Марьи Нагой.

Права на престол у малолетнего «царевича», в лучшем случае удельного князька, были зыбкими, почти никакими.

С таким же успехом на шапку Мономаха могла бы претендовать и родня еще шести жен Ивана Грозного.

Впрочем, лишь четырех первых жен признавала православная церковь, детей от других привязанностей государей неблагозвучно именовали вы...ками. Но для борьбы с Годуновым и тень «царевича Димитрия», за неимением лучшего, годилась.

Умный и многоопытный царедворец Годунов, сделав свою сестру Ирину соправительницей «скорбного главою» царя Федора Иоанновича, по слову академика Платонова, царевичу Димитрию «уготовил политическую смерть ранее физической и в последней не нуждался».

Впервые в Московском государстве царица как «первосоветница» своего супруга наравне с боярами участвовала в обсуждении и решении государственных и даже церковных дел.

Этой исторической подробностью, законной передаче власти от царственного супруга вдове, как-то пренебрегают. Зато когда дворцовые заговорщики на облитый кровью законного царя престол возведут осчастливленную ими вдову, когда чистейшая иностранка дольше любого в династии будет править Россией от имени Романовых, это будет принято как должное.

Еще одно обстоятельство должно снять обвинение с Годунова в причастности к смерти царевича Димитрия.

В 1591-м, в год смерти Димитрия, царь Федор Иоаннович не был бесплоден. В 1562 году у него родилась дочь Феодосия, с таким же успехом мог родиться и наследник.

И дальше от царя Федора мог «произойти царский корень». И всех убивать? Этакий шекспировский Ричард III. Кстати, реальный прототип трагедии, как определил суд, на котором настояли потомки в середине XX века, не был ни горбуном, ни кровавым злодеем.

У Бориса Годунова в потомстве защитников не нашлось. Разумеется, царь Борис не был рыцарем без страха и упрека, был сыном своего времени.

С полным основанием Годунов видел в Федоре Никитиче Романове-Юрьеве (1554—1633), племяннике царицы Анастасии Романовны, своего главного конкурента. Решение вполне в духе времени и характере Годунова: Федор вместе с женой Ксенией, из рода Горбатовых-Шуйских, были против их воли пострижены в монахи, что закрывало путь к престолу.

Взойдя на престол, Годунов и других Романовых теснил, так что речь может идти только об исторической справедливости.

Как ее определить, эту справедливость?

Непросто, но можно.

Сравнить плоды деятельности Годунова на вершине власти за двадцать лет и попытаться вспомнить тридцатилетнее царствование Михаила, первого на Московском престоле из династии Романовых.

Кто еще из правителей России подарил своему многотерпеливому народу шестнадцать лет благоденствия и покоя?

Кто вернул потерянные Иваном Грозным в Ливонской войне Ивангород, Копорье, практически Карелу?

Кто вломил в 1593 году задиристым шведам так, что заключить двухлетнее перемирие, а потом и договор о «вечном мире» было уже делом техники, дипломатической, и Годунов ею владел.

Кто сумел наладить дружеские отношения с Англией, Константинополем, Персией, Римом и Флоренцией?

Сколько городов основано при Борисе Годунове?

Архангельск. 1584. На Волге: Уржум, Царево-Кокшайск, Цивильск, это оборонная линия от воинственных черемисов. И вниз по Волге: 1586 — Самара, 1589 — Царицын, 1590 — Саратов. На южных рубежах: подняты пришедшие в упадок Курск и Воронеж, основаны в 1596-м — Белгород, а еще Ливны, Оскол...

А Сибирь?

Погиб Ермак, недопокорив Сибирь. Повелением Годунова заложен городок Тороч на Иртыше, ставший базой разгрома Кучума. Его же повелением основаны города и ныне известные: Тюмень, Тобольск, Томск, Салехард (Обдорск), Сургут...

Про Ермака все помнят и поют, а о том, что Сибирь стала российской при Годунове, говорить не принято, бестактно, может не понравиться «Романовым».

К этому надо непременно добавить заботу Годунова о наследнике престола. Сын царя Бориса был образован и остался в памяти тех, кто его знал, как светлого ума молодой человек, способный продолжить дела отца во благо России.

И забота не только о наследнике, при Годунове на обучение в Европу отправлялись молодые люди, готовые послужить сближению России и Европы¹.

Почему выдающиеся заслуги Годунова нехотя поминаются в учебниках по истории при династии Романовых, объяснять не надо, но и в советское время реальные, удивления достойные дела Годунова, одного из немногих успешных правителей России, в школе не проходили. Проходили до революции Карамзина, не сомневавшегося в зло-

¹ История прибывших на обучение в Европу именно во времена Шекспира москвитов прослеживается Н. А. Гранцевой в ее глубоком исследовании «Зеркала Шекспира» (СПб.: Нева, 2022).

действе Годунова; после революции проходили трагедию Пушкина «Борис Годунов», где версия смерти царевича Димитрия была повторена вслед за Карамзиным.

Таким образом, надо, скорее всего, признать победу тех, кто в исторических предпочтениях держал руку Романовых.

V

Юному Михаилу Романову вручили в правление страну, над которой пронеслась буря.

Ураганных ветров, сметавших прежних правителей, уже не было, но вздыбленная земля еще не успокоилась, и главной заботой было установление административно-хозяйственного порядка, устойчивой политической организации власти, прекращение внешних войн, выстраивание отношений с иностранцами и усмирение своей воли казачества и расплывшихся разгульных шаек. Работа неброская, долгая, трудная, но жизненно необходимая.

Михаил на троне тридцать один год. С 1619-го по 1633 год, правил вместе с отцом, патриархом Филаретом, вернувшимся после почти девятилетнего польского плена².

Вызволненный на обмен из плена, Филарет четырнадцать лет фактически руководил московской политикой. Государственные грамоты писались от имени царя и патриарха. Однако до возвращения в Москву его рядом с тронном шесть лет не было, срок изрядный,

Что ж благодетельное, кроме названного выше, *наведение порядка в доме*, для Отечества свершили достойнейшие основатели династии, управляя страной в четыре руки?

Исправили Требник. Поменяли текст в молитве *навечерие Богоявления*. Боролись с ересью. Основали в 1632 году первый в Туле металлodelательный завод. Попробовали модернизировать армию. По стопам Годунова заключили очередной «вечный мир» с Польшей и Швецией, только на этот раз на невыгодных для России условиях, с утратой ради мира своих земель и выплатой огромной контрибуции.

Для тридцати лет царствования, прямо скажем, впечатляющих свершений и не наберешь. Не потому ли царствование Михаила Романова не в чести у историков.

Сказано не в укор, потому что не перебором «славных дел» надо помнить царствование Михаила, оно открыло пути в новое время, но об этом дальше.

VI

Почему так много о Годунове в связи с Романовыми? На исторических перепутьях эти имена обозначили, как обнаружилось лишь впоследствии, два направления в развитии государственного устройства.

Оба пути вели, скорее всего, в одном направлении, но с разными затратами людских и материальных средств и разными, надо думать, результатами.

Крепостное право, укрепившееся при Годунове, стало главным фактором трехсотлетнего правления Романовых. Но именно Смута, повергшая в первую очередь крестьян в отчаянное положение, на грань выживания, толкала их «идти в крепость», в кабалу к землевладельцам. Именно Романовы увеличили срок поимки и возвращения помещикам-рабовладельцам бежавших в поисках лучшей жизни крестьян с пяти лет до десяти.

² Филарет еще в статусе нареченного патриарха (нареченного Лжедмитрием II) был назначен в посольство к Сигизмунду III просить королевича Владислава быть царем в Москве. Не приняв условий, на которых поляки были согласны взять московский престол, Филарет был арестован. В плену находился с 1611-го по 1619 год.

Есть все основания говорить о поступательном движении России при Годунове и долгом «восстановительном периоде» после Смуты.

А с чего все началось подтачивание, расшатывание, низвержение и в конечном счете кровавая расправа с Годуновыми?

Историки «дома Романовых» не очень любят вспоминать свидетельства о том, что Гришка Отрепьев «жил у Романовых на дворе», где покровительствовали будущему самозванцу. По свержении и расправе с Лжедмитрием I, Отрепьевым, московское посольство в Варшаве заявило официально о том, что свергнутый Гришка «был в холопах у Никитиных детей Романовых... заворовався, постригся в чернецы».

Не случайно, что и Шуйские, прямые наследники Рюриковичей, искали свое место и в конечном счете сыграли важную роль в движении Романовых к трону.

Князь Василий Иванович Шуйский в свое время был послан Годуновым в Углич для розыска правды о смерти царевича Димитрия. Лишь при уверенности своей непричастности к смерти царственного мальчика можно было поручить следствие и отыскать правду представителю конкурирующего клана, Рюриковичу.

«Правда» менялась в устах Шуйского в зависимости от обстоятельств.

Сначала доложил: несчастный случай.

Годунов едва ли в этом сомневался.

После странной и скоропостижной смерти Годунова, с приближением Лжедмитрия I к Москве, тот же Шуйский заговорил о чудесном спасении царевича, поехал в числе прочей знати встречать «воскресшего царевича» в Тулу и послужил утверждению самозванца на троне. Но скоро увидев, какого низкого, жестокого и легкомысленного, какого недостойного «царя» прислал им король Сигизмунд, вместе с Голицыным стал просить (!) польского короля дать своего сына Владислава на московский престол. Это при живом и коронованном правителе!

Самозванцу доложили.

Шуйский, свидетельствовавший сначала о «подлинности» самозванца, а потом сам же ставший сеять в этом сомнения, положил голову на плаху. Палач вознес топор, но последовало объявление от государя Лжедмитрия I о помиловании, казнь заменили ссылкой.

Как ни изворотлив и хитер был Шуйский, но вот гибкости ума и широты кругозора ему явно недоставало, а хитрость — это ум малодушных.

И все-таки при деятельном участии все того же В. И. Шуйского по всем правилам возведенный на московский престол Лжедмитрий I был низвергнут и немедленно убит, а сам Шуйский тут же был сторонниками посажен на шаткий престол, как оказалось, всего на четыре года (1606—1610).

Можно удивляться высокой организации «стихийного восстания» против Самозванца, только что сыгравшего свадьбу с Мариной Мнишек. Здесь Шуйские были на высоте!

VII

8 мая — свадьба, гульба шла не один день.

Уже 12 мая на площадях говорили, с подсказки Шуйских, что мнимый Димитрий — «царь поганый», несомненный еретик и не крови царской.

17 мая 1606 года в Москве грянул набат, толпы бросились грабить призванных (!) в столицу поляков, литву, да и что под руку подвернется. Есть сведения о том, что в по-

громах погибли тысячи иностранцев и сторонников Самозванца. За два дня, по одним известиям, было побито 2000 литвы и поляков, по другим — 3000.

Сохранились свидетельства и о том, что среди самых жестоких карателей были переодетые священники и монахи, еще вчера готовые Мономаховой шапкой венчать некрещеную полячку, а теперь вопившие: «Губите ненавистников нашей веры!» Стыдно стало иметь царя-бродягу? Да надолго ли?

Но самое замечательное, быть может, в том, что уже 19 мая сторонники переменчивого Шуйского, забыв о его свидетельствовании «подлинности» Самозванца, его самого провозгласили, *выбрали* новым царем Московским. Не ждали, как требовал обычай, «сорочин», сорока дней по смерти прежнего властителя, не созывали и Собора.

Борьба за престол вроде бы кончилась, но началась долгая полоса междоусобия «многомятежного» правления.

По законам классической драматургии перипетии, то есть перемена обстоятельств от счастья к несчастью и от несчастья к счастью, поддерживают интерес зрителей, питают напряженность действия.

Четыре года непредвиденного царствования Василия Шуйского классической драматургии не отвечали, перемены, перипетии чаще складывались в перемену от одного злосчастия к другому, с редкими и недолгими просветами.

Царь Василий, «сидя на царстве своем, многие беды прят и позор и лаи». Не выручила боярина и гибкая совесть, готовая приспособливаться к переменчивым обстоятельствам.

Ни одно из торжественных обещаний, данных Шуйским при самовольном, по сути дела, захвате власти, исполнено не было, а вот самоуправство и жестокость были. Сказанное о недостойном царства правителе И. А. Хворостининым, князем с репутацией умного писателя XVII века, вызывает доверие: «человек глуп и нечестив, пьяница и блудник», «его ради кровь проливается многая».

Вот и соскочил Василий Шуйский с престола так же вдруг, как и «наскочил» на него.

Еще один эпизод долгой Смуты, полный «скорби и кручины».

Во главе двух кланов, готовых скинуть Шуйского с престола, вчерашний союзник князь В. В. Голицын, с которым вместе призывали поляков на московский престол, и собравший вокруг себя врагов Шуйского глава романовского рода Федор Никитич, в монастыре Филарет. Свойственники Романовых Салтыковы так же деятельно готовили низложение Шуйского.

Примечательно и то, что обе партии, Голицыны и Романовы, в вожделинии власти скрывали свои намерения друг от друга.

Если внезапную смерть ни с того ни с сего Бориса Годунова понять можно, задав вопрос: кому это было выгодно, если расправа с семьей Годунова, убийство сына и жены, опять же, понять можно, то и убийство так долгожданно и ласково встреченного в Москве Лжедмитрия, а при въезде в столицу с польским воинством счастливые москвичи его стремяна целовали, тоже понять нетрудно: звенья одной цепи.

Все это похоже на то, что кто-то, не останавливаясь перед подлогом, приглашением иноземных властителей, сея Смуту и разорение на нашу землю, прокладывает себе дорогу к трону.

Пройдет восемь долгих и мучительных для страны, для народа лет после кровавого устранения, искоренения Годуновых, пока не осуществится давний замысел «желателей власти» Романовых.

Неблаговидность средств в этой борьбе — дело обычное, и, надо признать, обычай этот не устарел, так что не стоит читать мораль именно нашей истории.

VIII

Наши отношения с историей можно определить в двух видах: изучение истории и ощущение себя в историческом пространстве. Как зарождается, формируется, становится чертой национального характера вот это ощущение себя в историческом пространстве?

Это не удел и выбор только профессионалов историков или тех, кого именуют образованными людьми. Это сам уклад жизни, включающий в себя четкое представление об иерархии ценностей, это наш национальный культурный код, включающий и созвучные нам богатства мировой культуры, но прежде всего историческое знание.

С первым все понятно, второе, *ощущение себя в истории*, быть может, надо пояснить.

Читаю блокадный дневник медсестры отряда местной самообороны Елены Турнас 1941–1943 годов.

Февраль 1942 года, быть может, самое тяжелое время блокады. Ей сообщают о том, что мародеры убили живших в пригородном поселке Левашово брата-инвалида с женой и отправленного подальше от бомбежек и артобстрелов десятилетнего сына Турнас. После иступленных слов отчаяния, проклятий, последняя фраза: «Город сдавать нельзя».

Лето 1942 года, фашистские войска и их союзники рвутся к Волге и на Кавказ. Турнас пишет: «На Юге полыхнуло. Придется заливать большой кровью».

Не потому ли противу трезвых рассуждений («Зачем защищать эти камни?») стоял Ленинград, не потому ли народ перемалывал и, будем надеяться, перемелет все напасти, что насылали враги и добавляли от себя еще и неудачливые правители.

Чтобы определить свое отношение к историческому событию, надо представить себе по мере возможности достоверную картину прошлого, а главное, определить или угадать *небесный замысел* ниспосланной на столь длительный срок династии.

Но представляют ли триста лет «династии Романовых» преемственность не крови, а смыслов, хотя бы подобие общей целеустремленности, следование хотя бы немногим строгим правилам, что позволило бы в пестрой картине найти некоторое единство?

IX

Династия — это власть, господство одного дома, клана, семьи, скрепленной кровным родством.

Династия — родственное сообщество, вознесенное к высшей власти, объединенной едва ли не в первую очередь сохранением своего исключительного положения в государственном правлении.

Казалось бы, именно семейные узы должны крепить династию.

Но что мы видим в семье Романовых?

До воцарения Петра I, времена Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, шесть лет правившего Федора Алексеевича, внутри семьи царили мир и согласие. Но стоило недужному, не оставившему наследников молодому Федору Алексеевичу покинуть этот мир, как потомки Алексея Михайловича от двух его жен, Милославские и Нарышкины, вступили в непримиримую борьбу за первенство³.

³ Не по достоинству забыт просвещенный и милосердный государь Федор Алексеевич (1661–1681). Провел перепись населения, уничтожил питавшие боярскую рознь разрядные книги. Начал проводить реформы по западному образцу. Ликвидировал приказ «тайных дел». Смягчил уголовные наказания. Запретил членовредительные казни — отрубание рук, ног, заменив ссылкой в Сибирь.

Поименованные «Романовыми», представители разных кланов орошали трон и подножие трона кровью и подданных, и своих близких на протяжении более ста лет, с конца XVII и до начала XIX века.

Устранение от власти правительницы Софьи — стрелецкие казни. Сам государь с палаческим топором в руках. А дальше с благословения отца — смерть в застенке царевича Алексея Петровича. Захват власти и убийство законного императора внука Петра I Петра III в пользу его ангальт-цербстской жены Екатерины. И еще одна *случайная* смерть, и снова к пользе Екатерины Великой: убийство реального претендента на российскую корону Ивана VI в Шлиссельбургской крепости. Отстранение от власти почти на сорок лет законного наследника престола Павла. Недолгое его правление, четыре года, четыре месяца и четыре дня, и насильственная смерть в своей спальне от рук дворцовых заговорщиков с негласного согласия сына...

Вот такая семейная хроника одной династии, «дома Романовых». Одна семья?

Периоды кратких правлений, как у Петра II или Павла I, или долгих, как у Екатерины II или Николая I, описаны, изучены. Все составляющие этого почти хаотического движения первых лиц на троне, когда случай и произвол поднимали не помышлявших о престоле или, напротив, затаенно к нему рвавшихся, дают ли возможность проследить в правлении «Романовых» нечто цельное.

Х

Традиции скрепляют царствования.

Великий князь Александр Михайлович Романов, женатый на дочери Александра III Ксении, двоюродный дядя Николая II, вспоминал свадьбу и полагавшееся ему *по традиции* от государя приданое: четыре дюжины дневных рубах, четыре дюжины ночных, а еще ночной халат и туфли из серебряной парчи. Халат весил шестнадцать фунтов, чуть не полпуда. Церемониймейстер объяснил непросвещенному жениху, что по традиции новобрачный в таком халате и туфлях должен войти после венчания в спальню своей молодой жены. Увидев себя в зеркале, великий князь расхохотался: «Я был похож на оперного султана в последнем акте».

Александру Михайловичу Романову предстоит стать первым главнокомандующим российскими военно-воздушными силами.

«Дом Романовых, — писал великий князь Александр Михайлович, — не собирался отступать от выработанных веками традиций...»

От каких традиций?

Речь не о смехотворных нарядах, возжигании венчальной свечи в помощь новобрачным, фазаньи перья на шляпах дворцовых скороходов и прочих невинных приметах и благоглупостях.

Речь о традиции, едва ли не основополагающей для династии, о чистоте крови.

Жениться по любви высшим иерархам царствующего дома никто запретить не мог, но, поименованный *браком левой руки* («левый уклон?»), этот брак между персонами, неравными в социальном положении, не позволял передавать свои наследственные права супруге и детям, рожденным в этом браке.

После Петра I, венчавшегося на портомойне и возведшем свою супругу в ранг императрицы, семейные узы «дома Романовых» крепились лишь с представительницами европейских царствующих домов, подкрепляя свою избранность и легитимность.

Ввел воеводское и местное приказное управление. Повсеместно ввел подворное прямое налогообложение. Укрепил засечными чертами южные и юго-восточные границы царства. Новое развитие получили полки иноземного строя. Молодые бояре стали брить бороды. Так сказать, модернизация налицо.

Пожалуй, в нарушении как раз этой традиции и можно увидеть грядущий хаос. Едва ли не первыми ринулись на свободу великие князья «дома Романовых».

Великий князь Павел Александрович после смерти первой жены, греческой принцессы, во второй раз женился на разведенной жене одного полковника. Два нарушения традиции царской фамилии, предписывавшей жениться лишь на владетельных особах европейских дворов, к тому же состоявшие в разводе женщины не имели приезда ко двору.

Младший брат Николая I Михаил Александрович женился на разведенной жене капитана Вульфберга.

И т. д. Тема скорее для бульварной прессы и представляющая интерес лишь в контексте сравнения: какими традициями в «доме Романовых» в конце царствования дорожили, а какими при большом желании можно было и пренебречь.

Что общего между правителями, снискавшими славу государственников, расширявших и укреплявших империю, Петром I, Екатериной II, Николаем I и, к примеру, Александром III? Думаю, немного. Ну разве что высокомерие по отношению к своим подданным, отданным в качестве средства достижения целей, важных для царствующего дома, лицемерно в нужную минуту выдаваемых за национальные интересы, впрочем, иногда действительно совпадающие с интересами нации.

Быть может, за исключением лишь Александра III, правители России пребывали в убеждении: дескать, человеческого материала в стране много, недостатка не будет, и можно распоряжаться обожающими монарха подданными по усмотрению.

Что же было устойчивой и самой характерной чертой, главной *традицией* трехсотлетнего царствования «дома Романовых» от Михаила I до Николая последнего?

Ответ очевиден: Россией правили крепостники, рабовладельцы.

Именно они поддерживали трон, кого угодно на троне, лишь бы сохранить за собой право владеть живой собственностью. Государя, та же государыня Екатерина II, а следом за ней и Павел I, и Александр I, и даже Аракчеев с Николаем I, помышлявшие об отмене крепостного права, хорошенько подумав, понимали, чем это для них может обернуться.

«Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный и рабство, падшее по манию царя...»

Еще без малого сто лет пришлось бы ждать исполнения своего желания поэту...

Как так, разве не было отменено крепостное право в 1861 году?

А как же манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей»?

Надо отметить, что в самом манифесте прямо признавался произвол рабовладельцев: «Права помещиков были доньше обширны и не определены с точностью законом (! — М. К.), место которого заступали предание, обычай и добрая воля помещиков».

Знаменательное признание, напоминающее о том, что понятия «воля» и «произвол» одного корня. Для одних — воля, для других ярмо.

Во Франции Великая революция, государыня с Вольтером переписывается, принимает в Санкт-Петербурге главу энциклопедистов Дидро, а в столичной газете православного государства возвешение: «Продается каменный дом с мебелью, также пожилые мужчина и женщина, и холмогорская корова с теленком». Средневековье!

В Америке привезенные из Африки негры получили свободу раньше, чем этой милости удостоился содержащийся на родной земле «живой товар» в «доме Романовых».

Что же даровал Царь-Освободитель, давший обет «обнимать Нашею Царскую любовью и попечением всех наших подданных, всякого звания и состояния»? Что даровал, в частности, мужичкам, как поэтически сказано в манифесте: «проводящим на поле борозду сохою и плугом»?

Свободу государь даровал, гражданских прав «свободным сельским обывателям» не даровал, ну, и землю, чтобы было где провести борозду сохой или плугом, тоже не даровал.

Отменено, по сути дела, только рабство.

Трудно представить, а и вспоминают об этом почему-то неохотно, но еще в середине XIX века в России шла торговля людьми.

Да, отменено было рабовладение. Вчерашние рабы в Древней Греции и Риме получали статус вольноотпущенников, а в «доме Романовых» вчерашние рабы до перевода на выкуп земли стали временнообязанными. Там — отпущенные на волю, а у нас «крещеная собственность» обязана за милость царскую, за жертвенный подвиг помещиков платить выкуп.

Как долго?

Почти еще полвека!

Понадобился бунт «бессмысленный и беспощадный», понадобилось сжечь 15 % помещичьих усадеб, понадобилась Первая русская революция, чтобы в 1906 году крестьянство получило гражданские права, и были наконец отменены выкупные платежи за землю, трижды к тому времени оплаченную покорными мужичками, обведенными благородным сословием вокруг пальца.

В 1861 году было отменено рабовладение, а с крепостным правом расстались только в 1906-м.

XI

Пышно отпраздновав в течение 1911—1913 годов 300-летие своего благодетельного царствования в России, получив невероятные свидетельства всех своих верноподданных о любви и преданности, династия в считанные три-четыре года сошла с исторического подиума. Казалось, в ходе юбилея «и несть царствию их конца», а оказалось, что конец есть, и даже очень близкий.

Как такое могло случиться?

Прежде всего, едва ли не всякая власть бывает ослеплена выражением преданности, как ей кажется, в то время как в этой преданности бывает больше консерватизма, политической инертности и покорности.

Естественно, у столь значительных исторических событий, даже не смена династии, а сопровождающая ее смена государственного строя, не может быть одной-двух-трех причин, тем более чьей-то злой воли.

Еще задолго до падения «дома Романовых» государя предупреждали и консервативные, и либеральные, и монархически настроенные государственно мыслящие подданные о кризисе изжившего себя строя и неминуемых переменах, чреватых для династии непоправимыми последствиями.

Достаточно вспомнить хотя бы письмо в январе 1902 года, направленное графом Львом Николаевичем Толстым лично Николаю II: *«Любезный брат мой... Самодержавие есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в центральной Африке, отделенной от всего мира, но не требованиям русского народа, который все более и более просвещается общим всему миру просвещением...»*

Ничего не ответил тридцатилетний «любезный брат» семидесятилетнему графу, обрисовавшему со всей искренностью и мудростью кризис самодержавной формы правления, предупредив о движении к катастрофе.

Чтобы предупреждения о неминуемом крахе самодержавия и конце династического правления не казались тенденциозной подборкой, можно увидеть сложившуюся ситуацию изнутри глазами друга Николая II великого князя Александра Михайловича.

Вот его воспоминания о последней встрече и разговоре с императрицей Александрой Федоровной в присутствии Николая.

...Я объяснил, что, каким бы я не был врагом парламентарных форм правления в России, я был убежден, что, если бы Государь в этот опаснейший момент образовал правительство, приемлемое для Государственной Думы, то этот поступок уменьшил бы ответственность Никки и облегчил его задачу.

— Ради Бога, Аликс, пусть ваши чувства раздражения против Государственной Думы не преобладают над здравым смыслом. Коренное изменение политики смягчило бы народный гнев. Не давайте этому гневу взорваться.

Она презрительно улыбнулась...

— Все, что вы говорите, смешно! Никки — Самодержец! Как может он делить с кем бы то ни было свои божественные права?

— Вы ошибаетесь, Аликс. Ваш супруг перестал быть Самодержцем 17 октября 1905 года. Надо было тогда думать о его «божественных правах». Теперь это — увы — слишком поздно! Быть может, чрез два месяца России не останется камня на камне, что бы напоминало нам о Самодержцах, сидевших на троне наших предков.

Она ответила что-то неопределенное...

... — Не забывайте, Аликс, что я молчал тридцать месяцев (разговор в ноябре 1916 года. — М. К.), — кричал я в страшном гневе. Я не проронил в течение тридцати месяцев ни слова о том, что творилось в составе нашего правительства, или, вернее говоря, вашего правительства. Я вижу, что вы готовы погибнуть вместе с вашим мужем, но не забывайте о нас! Вы не имеете права увлекать за собою ваших родственников в пропасть.

— Я отказываюсь продолжать этот спор, — холодно сказала она. — Вы преувеличиваете опасность...

Я встал, поцеловал ее руку, причем в ответ не получил обычного поцелуя, и вышел. Большое я никогда ее не видел.

Скорее всего, великий князь преувеличивает благотворность политических маневров и спасительные перспективы в конце 1916 года, но его оценка сложившейся ситуации позволяет увидеть картину глазами одного из разумных и трезвых Романовых:

Трон Романовых пал не под напором предтеч советов или же юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворных званий, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и других общественных деятелей, живших щедротами империи.

Разве это не свидетельство неспособности сидящих *на троне предков* оценить новую социально-политическую реальность в стране?

Вокруг трона предков никогда не было такого количества революционеров, сплоченных в партии, сановников, претендующих на министерские посты, оппозиционной бюрократии, буржуазии, воспитанных в университетах и заявляющих о своих правах на участие во власти.

Вот и двоюродный брат Николая II великий князь Георгий Михайлович писал ему 11 ноября 1916 года: «Милый Никки, если в течение ближайших двух недель не будет создано правительство, ответственное в своих действиях перед Государственной Думой, мы все погибнем...»

Нараставшее народное неудовольствие, ощущавшееся в близких государю кругах, заставляло наиболее смелых и ответственных говорить о серьезности положения дел,

надвигающейся опасности, о необходимости принятия мер, о роли наставника царских путей Распутина, о необходимости ответственного перед Думой и обществом правительства, но собеседник наткнулся на непроницаемый взгляд государя и слышал сухой ответ: «Я это знаю».

ХII

Итак, что же привело к падению «дома Романовых»?

Быть может, надо признать *виной* средневековое право, записанное в Уложении 1649 года, кодексе феодального законодательства России, созданном в начале царствования Алексея Михайловича и действовавшем в основных положениях более двух столетий. Именно тогда и там, в Уложении 1649 года, выше всех законов было поставлено право монарха. Только почему-то первые Романовы мудро и дальновидно этим правом не злоупотребляли как раз в те времена, когда, освобождаясь от наследия Смуты, собирая воедино русские земли, выстраивая новую модель государственного устройства, собирая воедино развращенных безвластьем подданных, может быть, самодержавие, самовластье, безоговорочное единодержавие исторически было оправдано.

Но вот на дворе XX век, а у нас все еще действует Уложение 1649 года, где выше всех законов стоит право монарха.

Просвещенный абсолютизм?

Неограниченная монархия?

Деспотия?

В письмах императрицы, поминутно помогавшей супругу управлять страной, формировать правительство и вести войну, гремят чуть не средневекового пошиба призывы: повесть Гучкова, повесть Керенского, сдай недовольных студентов в солдаты, никого им ответственного министерства, никаких уступок Думе!.. Ты — Самодержец!

Неужели именно так, в традициях феодального права понимали свою роль пребывавшие на троне европейски образованные царь и царица?

Но с таким положением дел уже не может мириться ни общество, ни даже «двор».

ХIII

Нетрудно проследить, как самодержавная власть теряла одну опору за другой.

После 1861 года социальная адаптация класса землевладельцев, утративших всю полноту власти над вчерашними крепостными, к новым условиям рыночных, капиталистических отношений шла болезненно.

Несмотря на разнообразные попытки верховной власти, государя в первую очередь, сохранить привилегии поместного дворянства, трон терял опору в значительной части дворянского сословия, что очевидно.

И «дом Романовых», что называется, ближайшая опора царя, *двор*, утрачивал свою монолитность, расшатываясь и разваливаясь изнутри.

Достаточно вспомнить непримиримый разрыв отношений между родными сестрами, императрицей Александрой Федоровной и женой великого князя Сергея Александровича Елизаветой Федоровной. По свидетельству Елизаветы Федоровны, после разговора о Распутине императрица «выгнала ее, как собаку».

Прославившаяся милосердием и благотворительностью, возведенная ныне в ранг новомучеников, Елизавета Федоровна в 1902 году, еще до убийства ее мужа, перед лицом народного возмущения наставляла молодого царя: «Нечего жалеть тех, кто сам никого не жалеет». Четко и убедительно, как свист нагайки.

Подлинный же раскол в «доме Романовых» вызвала «кровавая суббота», трагедия, разыгравшаяся на Ходынском поле в дни торжеств по случаю коронации Николая II.

В произошедшей трагедии, в гибели полутора тысяч человек, вина московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, дяди молодого императора, была очевидна, как и роковая роль этого невежественного в вопросах управления, бесцеремонного и самоуверенного потомка Александра II в падении империи.

«При всем желании отыскать хотя бы одну положительную черту в его характере, я не могу ее найти», — писал в воспоминаниях великий князь Александр Михайлович, близкий Николай II старший друг «Сандро»: «Упрямый, дерзкий, неприятный, он бравировал своими недостатками, точно бросал в лицо всем вызов... Император Николай II не должен был допускать, чтобы великий князь Сергей Александрович сохранил бы свой пост генерал-губернатора после катастрофы на Ходынском поле».

Но это очевидно было только для молодых великих князей и княжон. Старшее поколение «своих не выдает». Виновным был назначен московский обер-полицеймейстер Власовский, снят с должности и отправлен в отставку с пенсией 15 тысяч в год.

Событие не было предано забвению. В 1906 году появилось безжалостное стихотворение Константина Бальмонта «Наш царь»: «...Кто начал царствовать Ходынкой, / Тот кончит, встав на эшафот».

Отчуждение «двора» и семьи Николая II росло и в конце концов наглядно подтвердилось участием высшей знати в убийстве самого дорогого друга венценосной семьи — чудодея и ясновидца Григория Ефимовича Распутина...

XIV

Было бы несправедливо в «Доме Романовых» в начале века не увидеть лиц, способных к управлению, преданных трону и государственно мыслящих, честных и полных добрыми намерениями. Но традиция — снова традиция! — отправляла их на военную службу, откуда они на государственные дела влияния уже не имели.

Только двоюродных дядей у последнего императора было одиннадцать.

Тот же Константин Константинович, талантливый поэт и религиозный человек, внесший новый дух и стиль в военную педагогику, мог быть неоценимым помощником и в делах правления. Увы, ему чужда была политика, он сторонился и чуждался политических деятелей.

Вот и судьба и карьера такой незаурядной личности, как великий князь Николай Михайлович, несоразмерны его возможностям. Опять же в угоду традиции он пошел на военную службу, стал командиром Кавалергардского полка, но был настолько выше своих товарищей, что общение с ними, бесконечные разговоры о лошадях и балетинах, о выпитом и съеденном были для него скучны и обременительны. Человек широкого кругозора, предпочитал работать в архивах Санкт-Петербурга и Парижа. Создал монументальную биографию Александра I — труд, не превзойденный в исторической литературе. Французская академия избрала командира Кавалергардского полка своим членом, чего удостаивались лишь редкие иностранцы...

Не оскудели ни Россия, ни «свет», ни «двор» людьми, способными и мыслить, и управлять, но Николай обладал удивительным талантом выбирать и приближать к себе худших.

Неизменным советчиком в самых сложных вопросах был циничный воспитатель его отца обер-прокурор Священного Синода К. П. Победоносцев.

Горят помещичьи усадьбы, революция поднимает голову. В Петербурге и Москве студенческие волнения и забастовки рабочих.

Государь в первый же год нового века спрашивает совета, кого назначить министром внутренних дел, спрашивает у живущего представлением минувших веков, желающего *подморозить Россию*, врага всего нового.

Победоносцев называет двоих — Плеве и Сипягина, главный аргумент: оба выучки Александра III, высшая для Николая рекомендация.

— На ком же из двух остановиться?

— Это безразлично. Оба одинаковы, Ваше Величество. Плеве — мерзавец. Сипягин — дурак.

— Не понимаю вас, Константин Петрович. Я не шучу.

— Я тоже, Ваше Величество. Я сознаю, что продление существующего строя зависит от возможности поддержать страну в подмороженном состоянии... Задача эта может быть выполнена только людьми такого калибра, как Плеве и Сипягин.

Сипягин на посту министра внутренних дел был убит 2 апреля 1902 года. На смену ему пришел второй предложенный Победоносцевым кандидат — В. К. фон Плеве. Любителя почитать Салтыкова-Щедрина и сторонника строгих мер в борьбе с растущим недовольством 15 июля 1904 года постигла та же участь. Впрочем, одного застрелили в упор из револьвера, второго взорвали, метнув бомбу в карету неподалеку от Варшавского вокзала в Петербурге.

То ли время с *заморозкой* было упущено, то ли кадровый кризис обрел необратимый характер. Отсюда и чехарда назначений на высшие посты накануне падения «дома Романовых».

И быть может, уже как апогей, как знак предательства династии явление великого князя Кирилла под красным флагом и с красным бантиком на шинели во главе Гвардейского флотского экипажа в марте 1917-го присягать Временному правительству: «Разве я не испытывал гнет старого режима?»

XV

Династия — семейный клан, родственное сообщество, вознесенное к высшей власти, объединенной едва ли не в первую очередь сохранением своего исключительного положения в государственном правлении.

Что же их соединяло?

Вера. Христианская вера. Православная церковь — опора и сподвижница православного государя.

Все иноземные и иноверческие жены русских царей, а в «доме Романовых», начиная с Петра Великого, других не было, принимали православие.

Так что не только «Париж стоил мессы», но при европейских дворах и за Санкт-Петербург готовы были поступиться верой.

К началу XX века мистическое «обожание» царя, о котором с восторгом пишет своей матушке императрица Александра Федоровна, меркло.

Не это ли свидетельство духовного перерождения и отрезвления народной массы?

Процесс, разумеется, сложен, глубок, значителен, в очерке его не охватишь.

Да вот могла ли пошатнувшаяся вера быть опорой династии? Но и она оказалась ненадежной.

В своем послании Священный Синод уже 9 марта 1917 года благословил совершившийся переворот и призвал довериться Временному правительству и молиться за него.

Хорошо. С двуглавого орла сняли короны, убрали раскраску, герб стал черной тенью орла.

А гимн? «Боже, царя храни! Сильный, державный, царствуй на славу, на славу нам!..»
Стало быть, начиная с 9 марта 1917 года просьбой «царя храни» Небеса можно больше не беспокоить и славы себе от покинувшего престол царя не ждать.

Молиться! За кого?

Высшая церковная власть, естественно, искала ответ на этот вопрос по единственно верному принципу: «На кого Бог пошлет».

Надо думать, Бог послал молиться не за миропомазанного, а за «прогрессивный блок» в Государственной думе, свергнувший православного царя, стало быть, призвал молиться за Гучкова, Милюкова, Керенского, Шульгина иже с ними.

Это ли не свидетельство банкротства казенного христианства.

Впрочем. «Несть бо власть, аще не от Бога?»

Верили венценосные или нет в то, что Небесами им вручен народ-богоносец, народ вселенского душевного склада, великий в своей простоте, правде, смирении, всепрощении, и готов этот преданный государю народ по гроб жизни служить «дому Романовых»?

Разве они не видели, как народ христианский по преимуществу терял свой облик, подпадая под власть материальных интересов, в которых сам ли научился или его учили видеть, как и *все цивилизованные народы*, единственную цель и смысл жизни?

XVI

Понять катастрофическое для династии положение без знания событий предшествующих невозможно.

То, что мы теперь понимаем связь событий 1904—1907 годов с событиями 1917 года, это уже почти школьное знание, впрочем не позволяющее ни на что повлиять, но многое проясняющее.

Есть события, не выдерживающие простых объяснений.

В 1905 году на все лады говорили и в прессе, и с трибун в собраниях о том, что революция устроена на «японские деньги». Шла война с Японией. Разумеется, и революция 1917 года столь же достоверно устроена на деньги немецкие. Шла война с Германией.

В таком случае можно спросить *исторических ясновидцев*, за чьи деньги писал П. Милюков 1898 году о неизбежности падения самодержавия? Может быть, и Льва Толстого подкупили, вот он и написал государю о грозящей катастрофе? И Менделеев, хотя и не считал Толстого мыслителем, вторит ему: Россия «пережила форму существующего строя и стремится к строю правовому на основе гражданских свобод».

Подкупили!

Как все просто и ясно, но это из «истории» для все тех же ищущих просвещения доверчивых кухарок и любознательных приказчиков.

Но почему же очевидное для нас сегодня не видели те, на чьих глазах все происходило?

Впрочем, одни видели, другие — нет.

Вот что пишет в «Очерках русской смуты» генерал Деникин о развале русской армии весной (!) 1917 года:

Последнее явление, впрочем, не было столь неожиданным, имея страшным и предостерегающим (отказ воевать «за веру, царя, и отечество». — М. К.) прообразом эпилог манчжурской войны и последующие события в Москве, Кронштадте и Севастополе... Проехав по сибирскому пути в течении 31 дня (декабрь 1907) через целый ряд «республик» (!!!— М. К.) от Харбина до Петрограда, я составил себе ясное по-

нятие о том, что можно ожидать от разнузданной, лишенной сдерживающих начал солдатской черни. И все тогдашние митинги, резолюции, советы и, вообще, все проявления военного бунта — с большой силой, в несравненно более широком масштабе, но с фотографической точностью повторились в 1917 году.

Почти слово в слово повторяет генерал слова большевиков о Первой русской революции — пролог!

Но откуда только взялась у почтенного генерала, создателя и вождя русской армии, эта «разнузданная солдатская чернь»?

Сказанное генералом о солдатском бунте, естественно «бессмысленном и беспощадном», после войны с Японией подтверждается множеством свидетельств, в том числе и фронтового врача, достоверного писателя Вересаева в записках о японской войне и событиях, за ней последовавших.

Японская война вскрыла глубокие болезни, поразившие и армию, и страну, и династию.

Видели власть, царь, «дом Романовых», высшее командование пропасть, разверзшуюся между солдатами и офицерами, между армейским контингентом и гвардейским, между армией и ее предводителями?

Скорее всего, они не хотели видеть, потому и не видели. Не хотели ни знать, ни видеть, какая армия и как (выкидывая офицеров из классных вагонов) возвращалась в Россию после оскорбительно проигранной войны.

Возникло ли чувство ответственности за происходящее у властей предрержащих?

Ярость, забвение того, что именовалось дисциплиной, полная анархия, полное пренебрежение к власти командования на всех уровнях, охватившие армию во время мобилизации, разве не были известны «дому Романовых»?

Грозная волна, двинувшаяся с востока, по мере приближения к Уралу, по мере рассредоточения на долгом пути возвращавшихся с войны солдат растекалась, утрачивая свою силу. Когда весной в 1917 году нежелающая воевать армия окажется в столице, дело примет совсем другой оборот.

Чем ответил «дом Романовых» на переживаемый армией кризис, в том числе и психологический, после японской войны?

По свидетельству опять же Деникина, нет оснований ему не верить, «как следствие на первой революции, офицерский корпус почему-то был взят под особый надзор департамента полиции, и командирам полков периодически присылались черные списки, весь трагизм которых заключался в том, что оспаривать „неблагонадежность“ было почти бесполезно, а производить свое, хотя бы негласное расследование не разрешалось».

Военным министром Сухомлиновым была еще создана своя сеть шпионажа (контрразведка) для внутренней слежки. Возглавил ее полковник Мясоедов, казненный впоследствии за шпионаж в пользу Германии.

При этом рядовое русское офицерство, утратившее после военных реформ Александра II сословно-кастовый характер, было и необеспеченным, и даже бесправным.

В 1907 году поняли, что армию надо приводить в порядок, создали «Особую подготовительную комиссию при Совете государственной обороны».

Генералы старой школы, военные сановники Н. И. Иванов, Эверт, Мышлаевский, Газенкампф в один голос говорили о повальном бегстве их строя «всего наиболее энергичного и способного» офицерства. Столь же дружно они называли причину ослабления офицерского корпуса в вопиющей, как они считали, материальной его необеспеченности.

Армейское офицерство, а это большинство, видело, как их положение отличается от привилегированных офицеров гвардии. Давняя рознь имела под собой серьезные основания.

Что выше — исторические традиции, «наши предки Рим спасли», или личные достоинства?

Придворный фаворитизм, определявший назначения старших начальников в гвардии, привел к тому, что в ходе германской войны гвардейские части несли наибольшие потери по причине некомпетентности титулованных военачальников. Бездарности оставались на местах, губили войска, проваливали операции.

Неправильная система высших назначений и расслоения офицерского корпуса: кадровый состав убывал в ходе боев, мобилизованные не отвечали необходимым профессиональным требованиям.

Прежде чем перестать быть опорой трона, армия треснула изнутри, демократизируясь, с одной стороны, и сохраняя кастовую нетерпимость и архаическую классовую отчужденность — с другой.

Отсюда и недоверие к власти. Стало быть, и здесь «династия» теряет опору.

Надо ли после этого удивляться, как много генералов и старших офицеров в свой час придут на службу в Красную армию.

Как не вспомнить милую детскую сказку о споре короля с солдатом, «кто старше, кто важней?», и разрешение спора мудрым вопросом пастуха: «„Из вас двоих важнее тот, кто без другого проживет“». — „Ты проживешь без королей?“ Солдат сказал: „Изволь!“ — „А ты без армии своей?“ — „Ну нет“, — сказал король».

После того как, забыв о присяге, командующие фронтами потребовали от государя отречения, «король» оказался без армии.

Фронтами командовали люди образованные, историю России знали, надо думать, не только по школьным учебникам Иловайского, но и Карамзина читали, а он предупреждал: «Святость присяге нужна для целостности гражданских обществ, и вероломство всегда преступление».

Прежние опоры трона изжили себя, не соответствовали новому времени, а царь хотел править по-старому.

XVII

Но как же случилось, что глава клана, пребывавшего на вершине власти, оказался в одиночестве?

Такое, быть может, возможно лишь при гипертрофированном сознании своего превосходства не только над многолюдьем подданных, но и над ближним кругом: великими князьями, приближенными, «двором» в целом.

Избранница государя императрица Александра Федоровна, обладая решительным нравом, сильной волей, властным характером, не умея при этом осмыслить глубинные социальные, экономические и вслед за ними политические процессы российской реальности начала XX века, обладала исключительной возможностью влияния на принятие императором важнейших решений, не считаясь с мнением «двора», не говоря уже о велении времени.

Как и перед любым руководителем высокого ранга, перед Николаем II постоянно, что естественно, был выбор между различными вариантами решения насущных проблем. Разумеется, сумма причин определяла различные подходы к внутренней и внешней политике, условно говоря, «двора» и императрицы. Как правило, государь делал выбор в пользу решений, предлагавшихся супругой, что, естественно, никак не могло послужить сплочению династии.

Вот одно из таких решений. На второй год войны с Германией глава династии провозглашает себя Верховным главнокомандующим и формально становится во главе всей воюющей армии. Правильное или неправильное решение в данном случае не так и важно, война все равно шла бы своим чередом, важно другое, чем продиктован этот шаг.

Ревностью!

Пользовавшийся в войсках исключительной популярностью великий князь Николай Николаевич, по мнению императрицы, заслонял собой фигуру императора. К счастью, после принятия на себя звания Верховного главнокомандующего положение на фронте стало выправляться, стало быть, к тому уже были созданы предпосылки, но аукнется эта история в феврале 1917 года, когда командующие фронтами подтолкнут императора к отречению. Едва ли не первым среди, по сути дела, предавших своего Верховного главнокомандующего будет *задвинутый* на второстепенный Кавказский фронт подальше от столицы и Ставки великий князь Николай Николаевич.

XVIII

Напряжение в *святом семействе* росло, приближая падение династии.

Не последнюю уж точно, а может быть, и решающую роль в печальной участи династии сыграло политическое одиночество последнего российского императора.

Как же так, триста лет самодержавной власти у себя в доме, и вдруг одиночество?

Ответ на этот вопрос, быть может, удастся найти, оглянувшись на триста лет назад.

Новоизбранному юному Михаилу Романову удалось тридцать один год владеть российским престолом и передать его сыну, а наследник трехсотлетней династии оказался в одиночестве и бесславно престол покинул.

При этом надо помнить, что об избранном правителе, да еще в стране, пребывающей в опасности, раздираемой распрями изнутри и окруженной неприятелями, судят строже, другой спрос, чем с наследственного венценосца. Чтобы повиноваться впервые избранному, нужно видеть его безусловные достоинства. Где их было взять юному Михаилу?

Всякая власть нуждается в опоре, будь это сила, традиция, деньги, большие деньги...

И лубочная картина, даже написанная маслом, изображающая умиленное благоговение Михаила на царство, едва ли что-то пояснит.

Роль *незримых сил* в этих событиях пусть объяснят другие, но можно увидеть реальные силы, заинтересованные в едином с государем управлении страной, что объясняет долгую прочную позицию на троне ничем не примечательного юноши.

Нельзя не заметить зеркального отражения событий, разделенных тремя веками и объясняющих как укрепление на троне династии Романовых, так и ее низложение. Как известно, в зеркале правая сторона становится левой, а левая правой. В обоих случаях исход дела решали отношения государя, наделенного властью самодержца, с общественным собранием, с Земским собором в начале династии и с Государственной думой в ее конце.

Русский язык богат на нелестные слова для именованья лиц любого звания, ставящих свои частные, личные, а то и семейные интересы превыше всего.

Но как свидетельствует наша история, даже в годы национального унижения и позора, в годы духовной слепоты и малодушия наша земля не оскудевала людьми, способными мимо временных и частных интересов до конца не поступаться верой и совестью и послужить своей земле, не чая обрести другую.

Итак, в начале 1613 года на московском престоле оказался юноша болезненный, «скорбевший ножками», нрава тихого, в событиях последних лет неприметен, живущий без направляющей силы отца, не первый год пребывающего в польском плену Федора Романова. Напомним, Филарет был вызволен из польского плена лишь в 1619 году, через шесть лет после избрания Михаила, и закончил земные пути в 1633 году, после чего еще двенадцать лет сын правил единовластно.

Скорее всего, помня череду претендентов на верховную власть и случайных правителей, можно было бы и в лице Михаила Романова увидеть одну из таких непредсказуемых фигур Смутного времени.

Но как же случилось, что именно этому правителю суждено было прочно обосноваться во власти и стать основателем династии?

Надо думать, новый правитель отвечал существенным требованиям времени, существенным требованиям общественной, государственной жизни и был облечен доверием, получил поддержку влиятельных сил в государстве.

XIX

Здесь нужно вспомнить особенность проведения Земского собора, избравшего нового царя.

Скоропалительное «избрание» царем Василия Шуйского, по сути дела, московской толпой на Красной площади на следующий день после расправы с польской ордой Лжедмитрия I, разумеется, фикция. Можно вспомнить и бесплодные попытки земства созвать Собор в расколотой безвластием и разоренной иноземцами и своевольными ворами-казаками стране. Такая попытка была предпринята правившими в промежуток между Шуйским и Романовыми олигархами, чье правление получило имя «Семибоярщины». Будет через триста лет в новую Смуту и «Семибанкирщина», но это, как говорится, всего лишь историческая рифма.

Собрать Земский собор для утверждения на московском престоле Владислава, сына польского короля Сигизмунда, тоже не получилось. Земли, разодранные на части, люди, не знавшие, кого им слушать и кому служить, в Москву просто не пришли.

Вот почему «по очищенье Московского государства» ополчением Минина и Пожарского от разбойничьего нрава «воровского» казачества, польского присутствия и державшихся за поляков бояр для утверждения новой власти Земский собор и готовили, и проводили с особым тщанием.

Обычно Земский собор⁴ состоял из патриаршего совета, боярской думы и земских представителей. Но в феврале 1612 года, исполнив свой патриотический долг, ревностный пастырь и мужественный духом патриарх Гермоген умер пленником поляков в московской тюрьме. Бояре сидели в Москве в осаде вместе с призванными ими же на свою голову поляками.

Нужен был «совет всея земли», и, несмотря на чрезвычайно сложную обстановку, он был созван. Переоценить это событие, да еще и не привязанное к имени или именинам организаторов, невозможно.

Стало быть, нашлось достаточное число людей, готовых послужить «земле», общему делу, движимых сознанием того, что лишь безусловный авторитет Земского собора, действительного, а потому и правомочного представителя «всея земли», нужен изболевшемуся в безвластии государству.

⁴ Первый Земский собор был созван девятнадцатилетним Иваном IV в 1549 году. Земские соборы почти на сто пятьдесят лет определяли внутреннее развитие общества и государственного аппарата, формирование общественных отношений, были площадкой межсословного диалога. Покончил с Земскими соборами Петр I.

Совершенное дело чрезвычайной важности — убедительно свидетельствует о сохранении здоровья нации.

В январе 1613 года в Москву стали съезжаться выборные люди. Точных списков всех участников Земского собора не сохранилось. Но и уцелевшие «избирательные грамоты» впечатляют. Под одними 235 подписей, под другими 277. При этом надо помнить, что, по обычаю, один подписывался за многих, не называя их поименно. Только провинциальных выборных насчитывалось более 500. Из городов призывали по 10 выборщиков, и откликнулись полсотни городов. Территориальное представительство было достаточно полным, от Белого моря до южных земель. Служилый и тягловый классы, вольное казачество, даже крестьяне, за исключением крепостных, полноправно участвовали в Соборе.

Собор действительно «вся земли», а не толпа на столичной площади или случайное собрание людей, подкупленных раздачами и щедрыми обещаниями.

Естественно, голоса тех, кто очищал Москву, имели особый вес. Но нельзя забывать и давление многолюдного в московском гарнизоне своевольного казачества: «во всем казаки боярам и дворянам сильны, делают, что хотят».

И дело решал Земский собор обстоятельно, не вдруг. Для начала после споров и разногласицы решили: «Литовского и Свейского короля и их детей, за их многие неправды, и иных некоторых земель людей на Московское государство не обирать, и Маринки с сыном не хотеть».

7 февраля 1613 года Земский собор «вся земли» избрал на престол сына Филарета Романова Михаила. Его кандидатура примиряла две главные противостоящие в стяжании власти силы — казачество и земство.

И снова подробность, вызывающая почтение к участникам Собора, сознающим ответственность за принятое решение. Оглашение было отложено на две недели. Именно столько времени понадобилось, чтобы «во все города Российского царства, опричь дальних городов, послали тайно во всяких людех мысли их про государственное обирание проведати верных и богобоязненных людей, кого хотят государем царем на Московское государство во всех городах».

Читаешь и не веришь своим глазам: про нас ли это, про нас, которых кто только не учит демократии?

Надо думать, все еще помнили скорое и спешное избрание Шуйского, когда не только люди иных областей, но и многие именитые москвитяне в избрании не участвовали. Естественно, это обстоятельство послужило предлогом для измен и смятений, которые ожидали Шуйского на престоле, «к новому стыду и бедствию отечества!»

Давно ли этот же самый народ в омрачении ума, предаваясь легкомысленной надежде, целовал стремяна самозванцам, обещавшим счастливую жизнь. Вкусив все прелести бурных мятежей, отрезвев от необузданных страстей, не дожидаясь нового всеобщего благодетеля, народ стал наводить порядок в собственном доме.

Удивления достойна обнаружившаяся в крайний час готовность к общему согласию.

21 февраля в Большом Кремлевском дворце в строгом следовании традиции Михаил Романов был провозглашен царем.

Ну что ж, обрести престол, разумеется, дело непростое, но усидеть на нем, да так прочно, шестнадцати лет от роду, безвидному, без заслуг, без опеки многоопытного в государственных делах родителя, надо думать, во много раз сложнее.

Ответ на этот вопрос, как мне кажется, куда проще, чем могло бы показаться.

Победителем в одолении Смуты выступили не знать и не народ. Одни потерпели поражение, став жертвами собственной жадности и недальновидной хитрости, вторые не имели определенной организации. Победила общественная сила, составившая

ядро народного ополчения, смирившего «воровское» казачество, частью истребив, частью рассеяв, изгнавшее иноземцев, не подпустившее к власти боярство и «очистившее Москву», куда кто только не летел за поживой.

Земский собор 1613 года стал реальной, несомненной властью, переместив центр власти с боярства на дворянство и посад, торговый и ремесленный люд.

Более того, при ослаблении центральной власти развились активность, самостоятельность местных сословных объединений. Выработывался опыт соединения интересов разрозненных земель, опыт управления. Рязанские ссылались с нижегородскими, Казань слала послов на Вятку, из Галича шли на Кострому «для доброго совета» в общих делах...

Вызревавшая «власть на местах» была началом, бесценным опытом для русских земель, для ее населения, переставшего по исходу прежней династии быть вотчиной хозяина-государя, вольного «в животах холопей своих». А *холопами* по средневековым правилам пред великим государем был не только простой люд, но и бояре, признававшие безграничные права самодержца и покорно клавшие по его воле головы на плаху.

«Так в ужасах смут, — писал академик С. Ф. Платонов, — родилась „вся земля“ — полномочный совет земских выборных людей, который почитал самого себя верховным распорядителем дел и хозяином страны»⁵.

Такого на Руси еще не было никогда!

В начале царствования Михаила именно Земский собор послужил преодолению остатков смуты, противостоянию внешней опасности и сбору средств в разоренную казну.

Под силу ли это было одному молодому государю?

Понимая свое положение, царь Михаил готов был отказаться от врученной ему власти, если будет лишен поддержки Собора.

Начало правления династии Романовых — это согласная, единая власть государя и «всея земли», представленной Собором, готовая как к устройению внутри государства, так и защите его от внешних угроз. Все значительные решения принимались и делались «по указу великого государя и всея земли приговору».

Какой гигантский шаг от средневековой деспотии к формам правления нового времени!

Первые десять лет Земский собор в Москве рядом со своим государем деятельно участвовал в управлении страной. «И в остальное время жизни царя Михаила соборы созывались чрезвычайно часто, хотя и нельзя говорить об их непрерывности, — свидетельствует академик С. Ф. Платонов. — Успокоение государства совершилось и замирение на границах было достигнуто».

Власть не отчуждалась от своего народа, но была его частью и не только при Михаиле.

Его сын, второй Романов на троне, государь Алексей Михайлович, в пору московских мятежей выходил к народу, винился, со слезами вымаливал от казни своих верных слуг, много виноватых перед народом.

XX

Едва ли случайно начало царствования второго в династии государя ознаменовалось составлением законодательного кодекса Соборного уложения 1649 года для своего времени и последующих времен документа важнейшего.

На исходе средневековья по указу едва вззошедшего на престол шестнадцатилетнего царя Алексея Михайловича в непостижимо короткие сроки — за полгода — было

⁵ Платонов С. Ф. Сочинения по русской истории: В 2 т., 1994. Т. 2. С. 403.

приведено в порядок российское законодательство. Так появилось Соборное уложение 1649 года. Видно, памятливы были еще недавние года, когда на одно беззаконие отвечали так же беззаконием.

Известен разговор Петра I на пиру со стариком и сподвижником Яковом Федоровичем Долгоруким, в свое время остановившим Петра, схватившимся за кортик: «Не марай руки беззаконием!..»

Привыкший к лести Петр спросил старика, чье правление выше — отца, Алексея Михайловича, или его, уже и шведов одолевшего, и новую столицу учредившего.

«Главное дело государей, — сказал воевода, удостоенный нынче звания генерал-пленипотенциар-кригскомиссара, — внутренняя расправа, и главное дело ваше есть правосудие. В сем отец твой был более времени свободного имел, а тебе еше и думать времени о том не достало, и тако отец твой более, нежели ты, сделал, но когда и ты о сем прилежать будешь, то, может, превзойдешь, и пора тебе о том думать».

Не хватило времени Петру Великому «прилежать» в законотворчестве.

Скорее его надо почитать основоположником «указократии».

На смертном одре неверной рукой только и сумел вывести первые слова последнего указа: «Отдайте все...» Надо думать, в последнем слове речь шла о полноте власти, а кому ее отдать, осталось гадать наследникам.

Мы привычно смотрим на допетровское время в нашей истории как на архаическое, а вот, дескать, с Петра началось новое время.

Но разве не началось с приходом на трон Петра I попятного движения власти из реально нового времени к временам вроде бы и отжившего самовластия?

О привнесенных Петром I в жизнь России новшествах и преобразованиях написано и сказано предостаточно, реже вспоминается то, что Петр отнял, чего по природе своей дать не мог.

Воспринимавший нашу историю умом ученого и душой поэта Н. И. Костомаров, осмысливая все новое, что привнес и насадил Петр I, справедливо заметил: только «новой души он не мог в нее вдохнуть; здесь его могущество оказалось... бессильно».

Новой не вдохнул, а что же стало со старой?

Да можно ли всерьез говорить о политике, о государственном устройении, приплетая к этому еще и разговор о душе. Скорее всего, можно, если это соответствует историческим реалиям, где не последнее место занимает и национальная традиция, духовная составляющая русского мироощущения, этос: твердые представления о том, что можно и что нельзя, что богоугодно, а что богопротивно, что хорошо, что — плохо.

Обратимся к свидетельствам бесспорным.

Совершенно очевидно, что Соборное уложение 1649 года не только привело в порядок законодательство и укрепило положение Романовых, но смягчило народное недовольство. Достаточно вспомнить, что в 1648 году грянул Соляной бунт, вылившийся в продолжительные волнения.

Сам Алексей Михайлович был человеком нелицемерной религиозности и удивлял иностранцев своим патриархально-отеческим отношением к своим подданным.

Тема обширная, но только один пример, отношение к ратникам.

Сам участвуя в боевых походах и под Смоленск, и в Литву, и в Ливонию, государь знал, что войн без жертв не бывает, но и сам людей берег и других учил. Пишет воеводе Матюшкину: «Людей наших всяких чинов 51 человек убит, да ранено 35 человек, и то благодарю Бога, что от трех тысяч столько побито, а то все целы, потому что побежали, а сами плачут, что грех учинился... Радуйся, что люди целы».

Когда иностранный офицер на нашей службе предложил ввести смертную казнь за бегство с поля боя, государь Алексей Михайлович решительно отказался, объяс-

нив практичному иностранцу, что Бог не всем даровал равную храбрость и казнить за это было бы несправедливо и жестоко⁶.

Оказалось, что и при таком «патриархально-отеческом» отношении к своим войнам можно и сражаться, и побеждать, и возвращать под руку Москвы отторгнутые в безвременье тот же Смоленск и Полоцк.

Но разве это не свидетельство духовного, не записанного ни в какие уложения и конституции единства правителя и подданных, позволяющее ощутить государство, царство как единое целое?

«Нового человека в России, — пишет Костомаров, — могло создать только духовное воспитание общества, и если этот новый духовный человек где-нибудь замечен в деяниях и стремлениях русского человека настоящего времени, то в этом мы обязаны уж никак не Петру».

«Я, ваше превосходительство, не только у вельмож, но ниже у Господа Бога моего дураком быть не хочу», — скажет «новый духовный человек» Ломоносов своему покровителю, всеильному фавориту императрицы Елизаветы графу Шувалову.

«...Я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного», — скажет «новый духовный человек» Пушкин.

Каково было бы такое услышать Отцу отечества государю императору Петру Великому?

Ни в чем не знал укорога царь-преобразователь, скорый на расправу, писавший свои указы, по словам Пушкина, кнутом, «все состояния, окованные без разбора, были равны перед его дубинкою». Сами орудия наказания как чуть ли не священные реликвии хранились в петровских дворцах Нарвы, Ревеля, в петербургской Кунсткамере, Эрмитаже и Оружейной палате! Наказанные чуть ли не за честь почитали быть измороженными лично государем.

Порванные призванной на московский престол племянницей Петра I Анной Иоанновной *кондиции*, ограничивавшие ее власть, удушенный Петр III, убитый в шлиссельбургском заточении Иван VI, проломленный череп Павла I, палящий из пушек по мятежникам Николай I да и расстрел безоружных манифестантов 9 января 1905 года — это наше *новое время*, правление наследников Петра... Это прогресс! И правящий с опорой на совет «вся земли», неприметный для казенных историков царь Михаил, и плачущий перед народом, в попечение ему врученным, Алексей Михайлович — архаика!

Не потому ли царь Михаил и неприметный, что его пример глаза колет?

Вот такая эволюция власти в истории династии Романовых.

XXI

Куда же подевался союз государя и «вся земли», с которого все началось?

Почему так неохотно говорят историки об этой судьбоносной для России потере?

Разве не открывал этот союз общего с Европой пути модернизации власти?

Кто, как и почему перекрыл этот путь для России?

В конце царствования Александра II появилась лишь тень представительного собрания. А речь шла о включении в редакционные комиссии, обладавшие совещательным голосом при Совете министров, представителей с мест, от земств — и только! Почему-то это ничего не меняющее во власти бюрократическое новшество либерального оттенка, предложенное министром внутренних дел Лорис-Меликовым и наследни-

⁶ В Римской империи существовали децимации — казнь каждого десятого за оставление поля боя. С тех же времен известны и «заградотряды».

ком престола цесаревичем Александром, было поименовано «конституцией». Куда точнее назвал эту затею С. Ю. Витте: «проект зачатка конституции». Даже не зачатие!

Вот что пишет в своем «Дневнике» об этой невинной, но перепугавшей царя-освободителя инициативе военный министр граф Милютин, успешно проводивший военную реформу.

Дневник Д. А. Милютина. 1880 год. 12 августа

Любопытное сведение сообщено мне сегодня государем (!) о собственноручном письме, полученном Его величеством от императора германского, который, вследствие дошедших до его сведения слухов о мнимом намерении императора Александра II даровать России конституцию, счел нужным, во имя родственных и дружеских чувств к своему племяннику, предостеречь его от важнейших затруднений представительного образа правления и для того преподать ему несколько добрых советов, основанных на долголетнем опыте. Напрасно заботливый дядя беспокоился. Государь предложил Гирсу (товарищ министра иностранных дел. — М. К.) снять копию с неразборчивой записки императора Вильгельма и приложить русский перевод, а затем прочел нам приготовленное уже ответное письмо, в котором прямо высказывает, что не только не имеет (!) намерения дать России конституцию, но и впредь, пока жив, не сделает (!) этой ошибки.

Жить Александру II оставалось меньше полугода.

У династии будет еще тридцать лет, чтобы осознать требования времени и войти в диалог с подданными.

В 1883 году накануне коронации Александра III министром внутренних дел графом Н. П. Игнатьевым была подана записка с предложением созвать *по старине* Земский собор с представителями всех сословий.

Обер-прокурор Священного Синода К. П. Победоносцев, имевший в ту пору исключительное влияние на государя, пришел в ужас. «Что случилось бы, — писал он Александру III, — какая бы вышла смута, когда бы собрались в Москве для обсуждения неведомо чего представители народов и иноверцев империи, объедающей вселенную...»

Государь поверил своему наставнику и отправил Игнатьева в отставку.

XXII

Как же случилось, что важнейший общественный институт не только был утрачен, но даже превратился в пугало в руках охранителей абсолютистской власти, в пугало для самодержцев на исходе XIX века.

Но кто сказал, что истории предписано двигаться вперед от хорошего к лучшему?

Разве не прав был Александр Иванович Герцен: «Пути вперед не назначено, его надобно прокладывать».

Однако наша многострадальная история знает управителей государством, не то чтобы ведущих вперед, а умеющих отбрасывать назад. А то и шаг вперед, два шага назад.

Если бы Победоносцеву или Александру III сказали, что их отказ от Земского собора отбрасывает Россию в начало XVI века, что бы они могли на это ответить? Надо думать, некому было спрашивать.

О царствовании Ивана IV достаточно знать, что на троне был царь-терибл, по-русски «Грозный», по-английски, скорее, «Ужасный». А о том, что именно при Иване Грозном в России в 1549 году был впервые созван Земский собор, помнить совершенно необязательно. Необязательно и помнить, что правительство, созданное в 1547 году, было ответом на народное восстание в Москве. Можно голоса несогласия заглушить

пушками, а можно и проведением радикальных реформ, к примеру, с внесением выборного (!) начала в местное управление и судебную систему.

Но разве покаянное слово Ивана IV при открытии Собора и принятые в двухдневной работе решения не достойны внимания потомков?

Девятнадцатилетний царь испросил (!) у бывших на Соборе святителей благословение исправить Судебник, основной свод законов, принятый в конце XV века при Иване III, считая многие его положения, записанными «по старине», и не отвечающими новому времени.

Едва ли многие, или хотя бы немногие, помнят о том, что на Соборе было объявлено представителям общин, что по всему государству, по всем городам, пригородам, волостям и погостам и даже в частных владениях бояр и других землевладельцев должны быть избраны самими жителями старосты и целовальники, сотские и дворские; для всех областей будут написаны уставные грамоты, при помощи которых области могли бы управляться сами собой без государевых наместников и волостелей.

«Волостелями» именовали представителей власти великого князя на местах, в волостях и станах по преимуществу.

Середина XVI века. Средневековье — и выборная власть, самоуправление по городам, пригородам, волостям и погостам!

Власть — «лутшим людям»!

Разве это не свидетельство того, что государство созрело, изнутри созрело к обновлению?

И после этого читать о том, как дремала Россия в забвении самой себя, пока не пришел Петр Великий и не пробудил ее своей дубинкой, не погнал на путь цивилизованных народов.

Судьба решений первого Земского собора — отдельная тема, но сам факт достоин памяти потомков, в первую очередь когда речь идет об истории нашей представительной власти.

Ни Александру II, ни Победоносцеву, ни Александру III не суждено будет увидеть, как после событий 1904—1905 годов «представители народов и инородцы» с кровью вырвут из рук последнего царя право собраться, но соберутся, чтобы противопоставить себя верховной власти в стране и эту устаревшую во всех отношениях власть скинуть.

XXIII

В начале XX века сторонники монархии были сильны и активны, но и в их стане не было единства.

Ярче всего это противостояние определили две крупнейшие фигуры последнего царствования — Витте и Столыпин, ставшие непримиримыми противниками, врагами.

Каждый из них знаменовал своей государственной деятельностью на высших постах два направления развития государства, свой взгляд на его политическое, экономическое и социальное устройства и выход на уровень требований XX века.

Один путь — реформ, постепенной демократизации хозяйственной деятельности и государственного устройства: именно Витте укрепил финансовую систему, введя *золотой рубль*, стимулировал развитие железнодорожной сети и рост промышленности, он автор Манифеста 1905 года, давшего России парламент. Второй путь — силовой, по слову Витте: «штык-юнкерский», путь Столыпина, дающий быстрый эффект, но, как показала практика, не имеющий реальной перспективы.

Не в предмете разговора давать оценку и предпочтение одному из обозначенных двумя именами пути, речь о судьбе династии.

Государь, не обладая достоинствами ни Витте, ни Столыпина, предал обоих.

И снова, как говорится, с подачи императрицы, возревновавшей, не заслоняют ли эти безусловно большого масштаба личности персону ее возлюбленного Никки.

Семейное опять оказалось выше государственного.

Ну что ж, политическое одиночество предшествовало падению и смерти и Бориса Годунова, и Петра III, и Павла I, и Александра II, и вполне закономерно — Николая II.

Так одна за одной рушились опоры, на которых держался трон.

XXIV

Конец династии Романовых трагичен.

По слову Карамзина: «Жертвы остервенения свойственны только войнам междоусобным».

И как не вспомнить знаменательную казнь по восшествии на престол первого из Романовых, Михаила.

Среди кандидатов на освободившийся российский престол Земский собор 1613 года, о чем шла речь выше, формально рассматривал трех главных претендентов: польского (!) восемнадцатилетнего королевича Владислава, шведского (!) Карла Филиппа и Михаила Романова. Среди соискателей российской короны были также представители Трубецких, Голицыных, Воротынских. И даже сын Марины Мнишек, прижитый от кого-то из Лжедмитриев и потому именуемый «воренком», четырех лет от роду, Иван Дмитриевич, имел реальные права на высшую власть. Почти такие же права, как у Павла I: отец убит, мать коронована, он прямой наследник.

Но это — если по правилам...

И не случайно в первом же официально объявленном решении Собора 1613 года, где «многое бысть волнение людем, кийждо бо хотяше по своей мысли деяти», значит-ся: «Маринки с сыном не хотеть».

Молодому государю, основателю новой династии, подсказали, или сам додумался, убрать возможного претендента на московский престол. Публичное повешение ребенка исключало возможность использовать его имя новыми самозванцами.

Как здесь не вспомнить смерть царевича Димитрия в Угличе, послужившую боярам и уважаемым историкам к обвинению Бориса Годунова в причастности к этой смерти, убедительно так и не доказанной.

Но именно смерть восьмилетнего мальчика в Угличе послужила оправданием убийства жены Годунова Марии и его сына, законного наследника, по праву именовавшегося Федором II.

И в одном и в другом случае речь идет о смерти ни в чем не повинных детей.

Но почему же гибель Димитрия трактуется как преступление, а к публичному повешению в Москве четырехлетнего ребенка как бы предлагается теми же людьми отнестись с пониманием?

Победителей не судят? А победили Романовы.

Победили, чтобы на триста лет сохранить в России рабство и пасть от рук неутомимых палачей.

Но откуда такая жестокость в отношении к членам династии триста лет спустя, да и ко всему благороднейшему сословию?

Только в 1905 году было сожжено от трех до четырех тысяч помещичьих усадеб, и жгли не однодворцев.

Почему жгут? Почему не сохраняют для себя?

И вот ответ: а чтоб не было куда возвращаться! Все! Баста! Прощайте, господа хорошие, навсегда! Ни дна вам, ни покрывки!

Ну что ж, жестокостью в отношении к младенцу, имевшему призрачные права на престол, было ознаменовано начало царствования династии Романовых.

Безжалостно, перед призраком возвращения Смуты, был мучительно удушен, небось и плакал, и кричал (веревка оказалась толстой, а тельце легким) ни в чем не повинный ребенок, так же под корень рубили и ветвистое древо Романовых, и не только.

Вот как запечатлел в своих «Воспоминаниях» 1905 год, ознаменовавший конец самодержавия, великий князь Александр Михайлович, друг и наперсник последнего императора: «Вся Россия в огне. В течение всего лета громадные тучи дыма стояли над страной, как бы давая знать о том, что темный гений разрушения всецело овладел умами крестьянства, и они решили стереть всех помещиков с лица земли».

Но кроме мужичков и помещиков были люди с обостренным ощущением жизни, ее кризисного состояния, невозможности продолжения без существенных перемен.

Писавший портреты императора академик Валентин Серов, после общения с позировавшим ему Николаем II сохранил нелестное о нем впечатление, как о сошедшем «со страниц какого-нибудь рассказа Куприна — провинциальном капитане»⁷.

А вот мнение опять же не революционера, не политика, проницательного художника И. Е. Репина, написавшего едва ли не дюжину портретов Николая II.

Из письма В. Стасову от 22 января 1905 года: «Как хорошо, что при всей своей гнусной, жадной, грабительской натуре, он Николай, все-таки настолько глуп, что авось, скоро попадет в капкан к общей радости всех просвещенных людей! Ах, как все надоело! Как невыносимо жить в этой преступной, бесправной, ужасной стране! Скоро ли рухнет эта вопиющая мерзость власти невежества».

Так выглядела власть династии Романовых на историческом исходе в глазах проницательного художника.

Обращаясь к значительному пласту нашей истории в пределах очерка, считал бы свою задачу выполненной, если бы сумел привлечь внимание читателей к осмыслению «трехсотлетия дома Романовых» как к историческому событию, имеющему, как закономерное начало, так и, увы, закономерный конец.

Разумеется, разбуженные календарной датой, что называется, размышления вслух, быть может, кого-то подтолкнут к собственному осмыслению важнейшего и интереснейшего пласта нашей истории, а кому-то просто помогут ощутить себя *в пространстве* нашей истории.

Почему бы не сохранить в наших гражданских календарях дату, по старому или по новому стилю, восшествия на престол триста лет правившего Россией царского дома Романовых?

⁷ Мнение В. Серова по воспоминаниям Г. А. Гиршман.